
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Ю.Г. КОРГУНЮК*

**ДЕМОКРАТИЯ И ЕЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ**

Рецензия на кн.: Есенгараев Е.Ж. Общество, институты и социальная наука. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 312 с.

Давно стало общим местом объяснять неудачи с переходом тех или иных стран от авторитаризма к демократии недостаточной развитостью институтов. Не менее распространена и точка зрения, согласно которой ответственность за это лежит на узком круге лиц, не принявших вовремя правильных политических решений или, напротив, принявших решения неправильные.

Такой подход дает возможность ответить на извечный вопрос «Кто виноват?», но насколько ответ будет верен? Анализ и критике подобных представлений посвящена работа казахстанского социолога Е.Ж. Есенгараева [Есенгараев, 2017]. Книга состоит из двух частей: академической и популярной, причем вторая ничуть не менее интересна – схожестью с платоновскими «Диалогами» (поставленные в первой части проблемы излагаются в форме вопросов и ответов).

* **Коргунюк Юрий Григорьевич**, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН, зав. отделом политологии Фонда развития исследовательских программ «Информатика для демократии», e-mail: partinform@mail.ru

Korgunyuk Yuri, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Political Science Department), INDEM Foundation (Political Science Department) (Moscow, Russia), e-mail: partinform@mail.ru

© Коргунюк Ю.Г.

Автор критикует редукционистские концепции, рассматривающие трансформацию общественных систем и институтов через призму технологических или экономических факторов. Досталось доктрине «индустриального общества» [Есенгараев, 2017, с. 17], концепции «трех волн» Э. Тоффлера [там же, с. 74–75], но также и неоинституционализму, в частности Д. Норт и его соавторам по монографии «Насилие и социальные порядки» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011], которых автор упрекает в зауженности трактовки институтов – сведении их к правилам игры (причем определяемым только негативно – в виде ограничений) и рассмотрении только лишь в качестве инструментов для решения тех или иных задач [там же, с. 86–87].

Редукционизму автор противопоставляет структурный подход, объясняющий различия в устройстве общественных систем «не через сведение их к определенному материальному началу, а через соотношение институтов» [там же, с. 8]. В таком варианте структурный подход фактически тождествен институциональному. Именно институты автор считает «первичным аспектом общества»: они, по его словам, «не только определяют основные способы взаимодействий социальных деятелей, но и собственно производят самих этих деятелей» [там же, с. 20]. Определение, которое Е. Есенгараев дает при этом институтам, – «исторически сформированные способы устойчивого коллективного взаимодействия людей» [там же, с. 20–21] – фактически снимает разницу между «старым» (формальным) институционализмом и неоинституционализмом, относящим к категории институтов в том числе и неформальные практики.

Та разновидность институционализма, о приверженности которой заявляет автор, носит конструктивистский и когнитивистский характер. Конструктивизм и когнитивизм в понимании Е. Есенгараева тесно связаны: в рамках первого «социокультурная реальность и человек определяются не как некие вневременные сущности, а как исторические конструкты, формируемые на основе социокультурных когниций», а второй рассматривает общество как феномен, основанный и воспроизводящийся на массивах социокультурных когниций [там же, с. 26–27].

Как видим, на первое место в своей концепции Е. Есенгараев ставит понятие социокультурных когниций. Именно от их типа и содержания, по его мнению, решающим образом зависят содержа-

ние и структура институтов: «При недостаточном уровне обеспеченности социокультурными когнициями стремление членов того или иного общества создавать новые институты завершается не созданием целостных образований с устойчивыми и эффективными типизациями социальных отношений и деятелей, а появлением лишь их фрагментов. Вся история человечества и особенно история модернизации свидетельствует, что новые институты возникали лишь при определенных когнитивных предпосылках, а их отсутствие или недостаточность оказывались фактически непреодолимым барьером для современного развития общества» [Есенгараев, 2017, с. 27–28].

При этом автор подчеркивает, что предложенная концепция не имеет ничего общего с волюнтаризмом: «Социокультурные когниции и создаваемые на их основе отношения являются результатами тех возможностей, которыми располагает то или иное общество на том или ином этапе своего развития. Как свидетельствует история, произвольное и целерациональное воздействие на структуру и содержание социокультурных когниций невозможно. Формирование и трансформация социокультурных когниций являются результатом больше непреднамеренных действий, чем преднамеренных. Массивы социокультурных когниций, которыми располагает любое общество, являются слишком масштабными и сложными для их целенаправленных производства и селекции» [там же, с. 27–28].

Автор также отвергает возможность трактовать представляемую им концепцию в редукционистском духе: «Когнитивизм не является очередной версией концепции “ключевого фактора”, так как социокультурные когниции не являются отдельной сферой общества, не существуют отдельно от других институтов. Они являются решающим условием существования всех институтов и субъектов общества» [там же, с. 27–28].

Е. Есенгараев не скрывает, что в своих основных положениях его концепция восходит к работам П. Бергера и Т. Лукмана [Бергер, Лукман, 1995], внесших, по его словам, «большой вклад в становление когнитивного подхода и в развитие конструктивистской парадигмы социологии» [Есенгараев, 2017, с. 32]. Вслед за ними он подчеркивает связь между успехами модернизации и развитием социокультурных знаний [там же, с. 160].

При этом, отмечает автор, конституитивную функцию социокультурные знания могут выполнять, «лишь достигнув определенного объема и уровня сложности, достаточных для формирования институтов и идентичностей», причем сами эти знания во всей их сложности и многослойности «невозможно просто заимствовать механически или передать как набор простых технических формул» [Есенгараев, 2017, с. 34].

Исходя из изложенной концепции, автор выделяет два макротипа обществ: иерархический (он же традиционный) и полицентрический (современный). Первому присуще доминирование двух институтов – власти и религии («в современный период в общественных системах данного типа религию в ряде случаев замещает идеология»). Отношения между институтами в этой системе носят иерархический характер – все остальные институты «занимают подчиненные позиции по отношению к двум господствующим» [там же, с. 22–23]. Второму макротипу свойствен плюралистический характер отношений между институтами и отсутствие господствующего центра [там же, с. 23].

Эти два типа обществ кардинально отличаются друг от друга:

- по способам стратификации: в традиционных обществах стратификация основывается на аскриптивных определениях и тяготеет к закрытости; в современных обществах на первый план выходят критерии достижительности [там же, с. 25];

- по уровню солидарности между социальными группами и регионами: в полицентрических обществах преобладают центростремительные общенациональные тенденции, в иерархических – узкогрупповые и региональные приверженности [там же, с. 25];

- по представлениям о времени: иерархические общества ориентированы на прошлое, полицентрические – на настоящее и будущее [там же, с. 45, 53];

- по направлению развития: иерархическое общество ориентировано на территориальную экспансию, полицентрическое – на интенсивное развитие [там же, с. 49–50];

- по уровню пространственных ограничений мобильности человека: в современном обществе принадлежность к территориальной единице «перестает выполнять функцию одной из основополагающих основ идентичности современных людей» [там же, с. 53] и т.п.

Автор признает, что выделяемые им типы «есть результат абстрагирования от конкретных особенностей множества исторических образований в прошлом и настоящем» [Есенгараев, 2017, с. 22]. В качестве хрестоматийных примеров модернизированных обществ, в жизни которых весомую роль сохранили традиционные институты, он приводит Великобританию и Японию: в первом случае он особо выделяет институты монархии и аристократии, во втором – общинные ценности и культ императора [там же, с. 58].

Но если институциональную структуру этих двух государств он все-таки считает полицентрической, то ряд других стран относит к отдельному, смешанному, типу: «Особенность этих обществ в том, что они уже не являются классическими традиционными обществами, но все еще не могут стать современными. Сохранение слабодифференцированных институциональных структур иерархического типа решающим образом определяет их досовременный характер, а возникшие в результате модернизационных процессов новые институты не в состоянии создать социокультурный порядок плюралистического типа» [там же, с. 59].

В эту группу автор включает СССР, большинство постсоветских республик, Израиль, Индию, Турцию, ряд стран Латинской Америки (Чили, Аргентина, Бразилия) [там же, с. 59]. Все они достигли серьезных результатов в научно-техническом развитии и не очень впечатляющих – в социокультурном: «При отсутствии необходимых социокультурных когний и основанных на них практик оказывается невозможной и замена традиционных институтов новыми, тем более за короткий исторический срок. В результате попыток прямой отмены традиционных институтов и утверждения политическими методами новых возникают не современные институты, а гибриды с новой вывеской и отчасти новым содержанием, но с неизбежным сохранением в их основе когний и норм традиционного типа и, соответственно, сохранением традиционного габитуса» [там же, с. 59–60].

Главной причиной неудач в модернизации этих стран автор считает «хронические затруднения с заимствованием и генерированием современных социокультурных концепций» [там же, с. 100]. Эти страны, подчеркивает он, заимствуя современные институты, понимали их «узкотехнически» – как технологии, призванные обеспечить экономическое развитие, но эти институты не могли опираться на «необходимые объемы современных социо-

культурных когний, без которых невозможно их полноценное формирование» [Есенгараев, 2017, с. 100–101].

Особое внимание в книге уделено советской модернизации и постсоветским странам. На взгляд автора, при всех достижениях (масштабное развитие промышленности, массовая урбанизация, всеобщая грамотность) Советский Союз так и не смог создать институциональную систему полицентрического типа, оставаясь в своей основе досовременным обществом [там же, с. 110–111]. В нем не были доведены до логического конца такие определяющие логику современного развития процессы, как децентрализация, секуляризация и плюрализация институтов, а институциональная структура осталась иерархической. В частности, институт политики не просто сохранил господствующие позиции, но «его доминирование стало еще более жестким, чем до революции» [там же, с. 111]; возведение положений марксизма-ленинизма в ранг догмы способствовало сохранению мифологического типа мышления [там же, с. 113], жесткий контроль над социогуманитарными дисциплинами привел к «фактическому уничтожению философии, запретам на развитие социологии, культурологии, антропологии, т.е. видов знания и науки, образующих когнитивную основу современности» [там же, с. 119–120], и т.п. Отсутствие или ограниченный объем современных социокультурных когний обусловили «фрагментарный, но в основе своей традиционно-иерархический» характер советской институциональной системы [там же, с. 144].

Главной слабостью постсоветских обществ автор считает ограниченность возможностей по генерированию «современного общественного дискурса» [там же, с. 144], преодолеть которую можно только в результате утверждения современных эпистемологических стандартов, «что, в свою очередь, может быть следствием не политической, а когнитивной революции» [там же, с. 153].

Во второй, «диалоговой», части своей книги Е. Есенгараев более подробно проговаривает некоторые детали, особенно интересные политологам. Так, он подвергает критике концепцию «упущенных возможностей» в истории СССР и постсоветского пространства: «Считается, что... при правильно принятом решении политического руководства возможности альтернативного исторического развития той или иной страны были бы не упущены... Однако в истории большинства стран мира наблюдается “дурная”

повторяемость “упущенных возможностей”, и если не говорить о некоем злом роке или закономерности, то по крайней мере можно говорить об определенной зависимости между определенными предпосылками и определенными последствиями в истории этих стран. Такую устойчивую повторяемость “упущенных возможностей” нельзя сводить лишь к ошибочным решениям или проискам внешних сил» [Есенгараев, 2017, с. 188–189]. «Любое политическое решение будет эффективным лишь при условии его соответствия историческим возможностям страны, – подчеркивает автор. – И надо признать, что большинство стран мира пока не имеет достаточных социокультурных предпосылок, необходимых для модернизации, а значит, и возможностей для современного развития» [там же, с. 190].

Комментируя обвинения в адрес М. Горбачева, начавшего якобы не с тех реформ («т.е. [если] они были бы начаты не с политики, а с экономики, как, например, в Китае, то реформирование страны было бы более успешным»), Е. Есенгараев ставит под сомнение саму способность высшего руководства СССР к проведению реформ как таковых: «В пользу этого печального вывода свидетельствует не только качество сторонников и оппонентов Горбачева, но и вся предшествующая история советской системы. Для нее всегда было характерным преобладание кампанейщины над прагматизмом. И еще один печальный результат предшествующей истории – объективное ухудшение качества высшего руководства Советского Союза...» [там же, с. 191].

То же самое, по мнению автора, можно сказать и о социокультурном уровне населения в целом: «Можно желать жить в современной стране, можно ратовать за скорейшее наступление демократии... но если в обществе не сложились необходимые предпосылки в виде разветвленной системы социокультурных знаний, необходимых для формирования современной жизни... то все эти желания будут просто маниловщиной» [там же, с. 229]. По этой причине он весьма скептически оценивает готовность большинства постсоветских стран к демократии, отмечая, что последняя может сформироваться лишь при наличии таких предпосылок, как сложная политическая теория, гражданское общество и культура взаимопонимания и согласия [там же, с. 294–295].

Из трех этих предпосылок, считает Е. Есенгараев, на постсоветском пространстве не обнаруживается ни одной, и особенно

плохи дела с политической теорией: «При существующем уровне политической теории мы не в состоянии достичь рефлексии по поводу наших возможностей, не в состоянии понять, что надо менять прежде всего... наши политические, в целом жизненные установки. А они не могут быть изменены через голосование или митинги... Нам надо трезво осознавать, что человек не может чудесным образом преобразиться, лишь зайдя в кабину для выборов, или через участие в митинге... С избирательного участка и с митинга домой возвращается тот же человек с тем же габитусом, сформированным у него всей его жизнью. Человек конечно же может пребывать в состоянии демократической эйфории... Но, так как он социализировался начиная с первичных институтов, в авторитарном обществе, то, как правило, ему будет крайне сложно и даже невозможно так быстро, так целенаправленно изменить свои установки и привычки» [Есенгараев, 2017, с. 295–296].

«...Мы должны помнить, что либеральная демократия – это исторически самый сложный политический порядок, и он не может существовать, не основываясь на сложном социокультурном фундаменте, – подчеркивает автор. – Когда призывают к диверсификации политической системы, следует помнить, что ее невозможно обеспечить без диверсификации... первичных институтов общества. А диверсификация институтов может быть достигнута лишь на основе длительного развития сложных дискурсивных практик» [там же, с. 299]. «Как правило, революционные порывы, выводящие массы на улицы, не приводят к решению системных проблем общества, – резюмирует Е. Есенгараев. – ...Общество изменяется, когда изменяются его члены, когда у них формируются другие социокультурные качества. А они изменяются не так быстро, как бы мы этого ни желали» [там же, с. 301].

Слова горькие, но справедливые.

Достоинства концепции Е. Есенгараева заключаются прежде всего в подчеркивании осознанного характера человеческой деятельности на всех уровнях общественного процесса. Популярность редукционизма во многом объясняется укорененностью мнения, что область знания (идей) сосредоточена главным образом в элитных слоях общества, тогда как массы живут рефлексам и привычками. Во многом редукционизм – это реакция на наивность представления об обществе как управляемом сверху механизме, но реакция тоже наивная, сводящаяся к переворачиванию схемы с ног

на голову: нет, это не элиты управляют массами, а массы ставят элиту в определенные рамки; нет, это не философы формируют экономику, а экономика философов. На самом деле обе схемы имеют собственную правду и собственную неправду. Знание (идеи) действительно управляет жизнью общества, но речь идет не столько о философских концепциях, сколько о паттернах, пропитывающих все сферы человеческой деятельности – от бытовой до научной. Их автор и называет социокультурными когнициями, указывая тем самым, что это не набор автоматически совершаемых операций, а сложные конструкции, подразумевающие учет множества обстоятельств при принятии даже самых незначительных решений.

При всей справедливости критики редукционизма следует заметить, что не лишен недостатков и противоположный подход – холизм, предполагающий, что интерпретирующий уже знает, в чем заключается суть проблемы, к решению которой он только-только приступает. А это не всегда так, вернее, почти всегда не так. Холист придает своим догадкам статус доказанной гипотезы, идеализируя состояние имеющегося знания.

Примерно это происходит у автора с социокультурными когнициями, которые предстают в виде безупречных кладезей народной мудрости. Между тем любого сорта знания несут на себе печать «первородного греха»: они неполны, мифологичны, противоречивы, неустойчивы.

Это относится в том числе и к научному знанию, особенно социально-гуманитарному. Мифологемы являются точками, поставленными в тех местах, где должны ставиться вопросы и многоточия. Пока на эти закамуфлированные пробелы не ложится никакой нагрузки, мифологемы вполне справляются со своей ролью, обеспечивая знанию кажущуюся целостность. Но когда развитие науки переносит центр тяжести именно на них, мифологемы рассыпаются, и вместе с ними – все возведенное здание.

Если без мифологической составляющей не может обходиться даже научное знание, что уж говорить о знании массовом, к которому и относятся социокультурные когниции. Здесь к мифологемам «вынужденным» добавляются откровенные предрассудки и прочий балласт, которые невозможно априори отделить от рациональных зерен. Иногда отбор совершается сам собой при переносе когниций в новый контекст, но это бывает крайне редко: ча-

ще когниции отвергаются в целом – вместе со всеми рациональными зернами. Этим, в частности, объясняются и трудности такого переноса: дело не только в сложности, но и в высокой доле балласта, который не был замечен в «домашних» условиях, но стал очевиден в новых.

Другое свойство когниций – их противоречивость. На любой факт всегда найдется контрфакт, на любое мнение – контрмнение, на любую норму – антинорма. К примеру, советский атеизм родился не на пустом месте: он имел более чем полувековую предысторию, причем теоретическому атеизму предшествовали уходящие в глубь веков традиции богохульства, которые сопровождают любую обладающую монопольным статусом религию (лишь в плюралистических обществах с их богатой практикой терпимости богохульство становится маргинальным явлением). Это еще одна причина трудностей, возникающих при попытках переноса социокультурных когниций в чужую среду: там линии разлома между нормами и антинормами, как правило, совсем другие. И даже если эти линии совпадают, то еще неизвестно, что в новых условиях станет нормой, а что – антинормой.

Впрочем, нелепо вменять в вину автору неупоминание о «темной стороне» социокультурных когниций. Его задача состояла в обозначении их роли при воспроизводстве институтов, а не в подробном описании их содержания.

Но в чем можно упрекнуть его вполне обоснованно, так это в излишнем схематизме при противопоставлении современных (полицентрических) обществ традиционным (иерархическим). Возможно, с точки зрения удобства изложения такая схема приемлема, но она существенно упрощает реальную историю развития цивилизаций. Да, «досовременные» общества имели и имеют иерархический характер, но иерархия иерархии рознь. Бывают иерархии «проходимые» – вроде тех, что имели место в Китае или послепетровской России, а бывают «непроходимые» – вроде индийской кастовой системы. Этим и объясняются, в частности, высокие темпы модернизации в странах Дальнего Востока и большие проблемы с современным развитием в Индии: ее кастовая иерархия слишком архаична, чтобы приспособиться к новым требованиям.

Все-таки известным преимуществом марксистской теории общественных формаций, при всем ее схематизме и редукционизме, было признание многоступенчатой лестницы типов обществ,

предшествующих современному («капиталистическому»). Концепция социокультурных когний много выиграла бы, если бы опиралась на более подробную градацию общественных типов.

Есть в книге Е. Есенгараева и другие дискуссионные моменты. Как правило, они возникают там, где автор касается тем, лежащих за пределами его компетенции. В частности, он не совсем точно описывает расстановку политических сил в Индии, когда утверждает, что за сохранение кастовой системы в этой стране выступают не только высшие, но и низшие касты [Есенгараев, 2017, с. 61]. На самом деле высшие и низшие касты, как правило, поддерживают Индийский национальный конгресс, борющийся за искоренение кастовой системы, а за отстаивающую ее сохранение Индийскую народную партию (Bharatiya Janata Party) голосуют в основном средние касты.

Спорна и оценка автором ситуации в израильском обществе, которое якобы в своей основе «остаётся под влиянием больше традиционных ценностей, чем современных» [там же, с. 61]. Правильнее было бы сказать, что израильское общество глубоко сегментировано. В определенных его слоях (ортодоксальные иудеи, выходцы из Африки и Азии) действительно доминируют традиционные аскриптивные нормы. Но управляют страной все-таки люди, воспитанные на современных ценностях, – в противном случае Израиль давно бы исчез с политической карты мира.

В целом же предложенная автором концепция представляется плодотворной и заслуживающей внимания со стороны коллег.

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
- Есенгараев Е.Ж. Общество, институты и социальная наука. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2017. – 312 с.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 480 с.